

го строя как превербы, так и послелогои имеют локативное и директивное значение (обозначают место и направление). За пределами исследуемых языков превербы способствуют развитию видовых различий в глаголе, послелогои оказывают влияние на формирование системы падежей существительного.

В ходе исследования мы неоднократно обращали внимание на то, что одной из основных характеристик языков активного строя является наличие категории принадлежности, которая присутствует во многих языках мира: палеоазиатских, самодийских, финно-угорских, семито-хамитских, тунгусо-маньчжурских, тюркских. Свидетельствует ли наличие категории принадлежности об активном характере грамматического строя языка? И да, и нет. Не следует забывать об основном свойстве языков активного строя — синкретизме имени и глагола. Только эти две черты (категория принадлежности и синкретизм имени и глагола) позволяют дать обстоятельную характеристику исследуемого языка. По степени синкретизма имени и глагола можно судить об уровне активности протекающих в языке процессов.

В семитских языках наряду с категорией принадлежности выделяются качественные глаголы (ср. арабск. *kabura* 'быть большим', *ḥasana* 'быть хорошим' и т. п.), но нет стативных глаголов. Слабый синкретизм имени и глагола, т. е. наличие в языке лишь качественных глаголов, сам по себе свидетельствует об угасающем характере данного явления. Это еще более подкрепляется существованием определенных взаимоотношений качественных глаголов с именами прилагательными (ср. арабск. *kabīrun* 'большой', *ḥasanun* 'хороший' и т. п.). Наша реконструкция прасемитской основы была бы верна и без показаний древних семитских языков. Но последние подтверждают, что в древности морфология семитских языков знала и стативные глаголы (ср. аккадский пермансив) [17, 18].

Думается, интересный материал для исследования характера диахронических изменений дают пермские и тюркские языки. Обратимся к материалу тюркских языков.

В тюркских языках есть категория принадлежности. По своей структуре она, как явствует из табл. 2, проста (см. [19]). Следовательно, строй тюркских языков или является производным активного грамматического строя, или является основой для его развития. Имени тюркских языков, вероятно, свойственна высокая степень предикативности: ср. турецк. *büyük bir kız* 'большая девочка', *büyüktür* 'она большая', *o büyüktü* 'она была большой', *o büyükmüş* '(оказывается) она была большой', и *büyüktüm* 'я был большим', *büyükmüşüm* '(оказывается) я был большим'. Нетрудно убедиться, что в отношении современных тюркских языков можно говорить о большой предикативной силе имени и даже о его спряжении, но не о синкретизме имени и глагола. При синкретизме самой основе присущ глагольный характер, в то время как имя в современных тюркских языках может выступать в функции сказуемого и тогда получает показатели времени и лица. Кстати, основе сообщают временной характер формальные элементы (аффиксы), в то время как в языках активного строя временные показатели зачастую сохраняют связь с самостоятельными основами. Итак, предикативность имени в тюркских языках — явление вторичное. Оставим пока что открытым вопрос, были ли в прошлом тюркские языки и активного строя, но гипотеза о синкретичности в древнее время именных и глагольных основ не вызывает у тюркологов резких возражений [20, с. 99—105].

Таким образом, существует мнение, согласно которому многие языки, в частности индоевропейские и кавказские (до возникновения в последних эргативной конструкции предложения), характеризовались активной типологией с противопоставлением активных и неактивных глагольных основ. Деление глаголов на статические, нейтральные и динамические предшествовало их различию по признаку переходность-непереход-